Мещанин или дворянин?

Семён Спивак, недавно поставивший в театре Станиславского спектакль «Мещанин-дворянин», десять лет назад начинал свою режиссёрскую работу в Санкт-Петербургском ТЮЗе с той же самой пьесы Мольера. Видимо, в питерской постановке режиссёр не исчерпал всех смыслов этого шедевра театральной классики, и поэтому взялся прочесть его ещё раз — заново. И прочёл. Пьесу о выскочке, о глупой вороне, которая из чванства пытается украсить себя костюмом из павлиньих перьев, о нуворише, которого возмущённые родственники заслуженно дурачат ко всеобщей радости, режиссёр превратил в добрый, лирический спектакль об идеальной любви простодушного человека, живущего в нашем циничном, жестоком и далеко не идеальном мире.

Как большинство спектаклей театра Станиславского, этот спектакль прежде всего радует глаз. Радует актёрской игрой, создающей гротескные, преувеличенно выпуклые, и потому безумно смешные характеры. Радует роскошными, продуманными костюмами: даже «павлиньи перья» — и в нелепости своей прекрасный серый камзол в розовую розочку — несмотря на свою отрицательную роль в общем контексте, смотрится как маленький шедевр. Но больше всего впечатляет актёрская пластика, временами смахивающая на акробатику. И хотя в этом спектакле простор для демонстрации пластических достоинств труппы невелик, демонстрация вполне удаётся. Особенно хорошо смотрятся восточные сцены с гибкими, как змеи, танцовщицами в блестящем шелку и загорелыми мужчинами атлетического телосложения. От них веет пусть искусственным, пусть сильно утрированным, но зато действительно жарким восточным зноем. Конечно, пародия, но какая великолепная пародия!

Однако суть не в этом. Заклеймённый мировым литературоведением господин Журден театра Станиславского (Борис Невзоров) с первого взгляда вызовет вашу симпатию. Ведь это человек, приятный во всех отношениях. Ну что поделать, если в голову рядовому мещанину вдруг пришла мысль о собственном несовершенстве, и он решил преодолеть это несовершенство любыми средствами. Такие открытия снисходят к людям вне зависимости от их возраста и социальной среды. И чаще всего ничего, кроме неприятностей, с собой не приносят.

Всё, что девственному сознанию Журдена преподносится на блюде «просвещения», он глотает с детским энтузиазмом. И его широко распахнутые глаза не замутняются даже тенью подозрения,

когда сильно нетрезвый, неряшливый философ крылатую фразу “In vino veritas” переводит ему с латыни как “Ученье — свет, неученье — тьма”. Многочисленная армия слуг и учителей господина Журдена пользуется его мягкосердечием в своих целях. А он, добрая душа, не умеет ни сердиться, ни ругаться по настоящему. Зато умеет по-настоящему грустить, как грустят все влюблённые, особенно влюблённые в совершенство. Роль совершенства в спектакле отведена прекрасной маркизе (Людмила Лушина).

Зато зрителям не придётся подолгу предаваться лирической грусти. Ведь “Мещанин во дворянстве” — это комедия. Поэтому смеяться здесь можно много, непринуждённо и с удовольствием. Над розочками на камзоле и над нелепым париком-нашлёпкой. Над выразительной мимикой скользкого, как ящерица, маркиза (Владимир Коренев). Над маркизой, которая так же комически-простодушна, как и её “неблагородный” обожатель (может быть, потому-то он и полюбил её странной любовью, что инстинктивно нашёл в ней, такой далёкой и аристократичной, родственную душу). Над преподающими благородство учителями, один краше другого...

Выйдя из театра, вы, может быть, и сами толком не вспомните, над чем вы только что хохотали. Потому что последнее, что вам запомнится и что вы унесёте с собой — это прозрачно-голубые, небесные глаза одураченного господина Журдена, когда он, немолодой уже человек, по-настоящему и не ждавший от обстоятельств ничего другого, присядет на край сцены и свесит с неё свои мещанские, но очень благородные ноги. И его выражение лица даст спектаклю ту глубину, целостность и завершённость, которой всё-таки до сих пор не хватало посреди общего, заразительного веселья.

Елена Карпухина

*перевод статьи из
“Московской немецкой газеты”
(февраль, 2000 г.)*